

Восток внутри «Востока»? Центральная Азия между «стратегическим эссенциализмом» глобальных символов и тактическим эссенциализмом национальных нарративов*

Нари Шелекпаев

PhD, доцент, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге
Адрес: ул. Гагаринская, д. 6/1 литера А, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 191187
E-mail: nshelekpaev@eu.spb.ru

Аминат Чокобаева

PhD, постдок, Назарбаев Университет
Адрес: пр. Кабанбай батыра, 53, г. Нур-Султан, Казахстан 010000
E-mail: aminat.chokobaeva@nu.edu.kz

В своей статье «Разыскивая Глобальный Восток: мышление между Севером и Югом» Мартин Мюллер предлагает ряд радикальных, хотя и не новых, мыслей о роли, которую постсоциалистические страны играют в современном мире, их восприятии, а также производстве знания о самих себе в этих странах. Данная статья является ответом на текст Мюллера и размышлением над историографией Центральной Азии — составной части «Глобального Востока». В первом разделе этого текста мы разберем собственно подход Мюллера и объясним, почему он кажется нам проблематичным с исторической точки зрения. Во втором сфокусируемся на производстве «внешнего» и «внутреннего» знания о Центральной Азии и предложим ответную парадигму — «тактический эссенциализм» — которая, как нам кажется, лучше всего описывает производство исторических нарративов в регионе на настоящий момент. Несмотря на различия между двумя понятиями, нам представляется, что «стратегический» и «тактический» эссенциализм по сути являются проявлениями одного и того же процесса — а именно попытками вытеснения советского прошлого из этоса постсоциалистических исследователей (либо его замещения другими нарративами).

Ключевые слова: «Глобальный Восток», Центральная Азия, Советский Союз, постсоветское пространство, транснационализм, национализм(ы), историография

В своей статье «Разыскивая Глобальный Восток: мышление между Севером и Югом» Мартин Мюллер предлагает ряд радикальных, хотя и не новых (Chionì-Moore, 2001; Mignolo, 2014; Tlostanova, 2015; Gille, 2016), мыслей о роли, которую постсоциалистические страны играют в современном мире, их восприятии, а также производстве знания о самих себе в этих странах. Данная статья является ответом на текст Мюллера и размышлением над историографией Центральной

* Авторы сотрудничали в работе над текстом в равной степени. Мы выражаем благодарность Елене Трубиной и Мартину Мюллеру за возможность написать эту статью. Спасибо Александру Моррису за ценные комментарии к ее первоначальной версии.

Азии — составной части «Глобального Востока» (Müller, 2018: 5). Мы не претендуем на то, чтобы предложить читателю развернутую интерпретацию всех существующих исследований об этом регионе. Скорее, это субъективный взгляд, который проблематизирует взаимодействие «внутреннего» и «внешнего» знания, его роль в конструкции и локализации региона, а также его место в мире в постсоветскую эпоху. Многие из аспектов, которые будут затрагиваться в этом тексте, уже поднимались другими исследователями (Adams, 2007; Abashin, 2015; Cameron, 2018: 185; Кудайбергенова и др., 2019). Наше эссе попытается обобщить и критически переосмыслить существующие дискуссии в связи с проектом «Глобального Востока», предлагаемого Мюллером.

Прежде чем перейти к обсуждению основной темы, попробуем суммировать наше понимание основных тезисов текста Мюллера. Их суть, по нашему мнению, сводится к следующему: с конца холодной войны, когда закончилось противостояние между «западным» и «восточным» блоками, на месте последнего образовалась пустота, которая располагается вне эпистемологических пределов и коннотаций, связанных с «Глобальным Севером» и «Глобальным Югом». Автор предлагает вернуть «Восток» на ментальную карту исследователей с помощью акцента на связях и заимствованиях, которые существовали между бывшим восточным блоком и остальным миром в эпоху холодной войны. Это, в свою очередь, позволит переосмыслить границы между частями мира, которые, в силу остаточной оптики холодной войны, все еще продолжают мыслиться как монады. В целом мы разделяем призыв Мюллера об инклюзивности, необходимости транснационального подхода и критической рефлексии о месте «востока» в ментальных картах исследователей. Вместе с тем некоторые предложения этого проекта — главным образом то, что Мюллер называет «стратегическим эссенциализмом» в отношении «востока» — требуют дальнейшего критического осмысления.

В первой части этого текста мы разберем собственно подход Мюллера и объясним, почему он кажется нам проблематичным с исторической точки зрения. Во второй сфокусируемся на производстве «внешнего» и «внутреннего» знания о Центральной Азии и предложим ответную парадигму — «тактический эссенциализм» — которая, как нам кажется, лучше всего описывает производство исторических нарративов в регионе в настоящий момент. Несмотря на различия между двумя понятиями, нам представляется, что «стратегический» и «тактический» эссенциализм по сути являются проявлениями одного и того же процесса — а именно попытками вытеснения советского прошлого из этоса постсоциалистических исследователей (либо его замещения другими нарративами). Разница при этом состоит в том, что Мюллер предлагает переосмыслить символическую географию постсоциалистического «востока» в настоящем для достижения результатов в будущем, в то время как центрально-азиатские историки фокусируются по большей части на до- и постсоветском прошлом, что сулит им наибольший символический капитал в настоящем.

«Стратегический эссенциализм» и его возможности

Прежде чем говорить о «востоке», целесообразно начать с обсуждения воображаемых регионов, которые Мюллер трактует как антиподы, сложившиеся по умолчанию после холодной войны, — «Глобального Севера», в котором находятся страны Западной Европы, Северной Америки, а также Австралия и Япония, и «Глобального Юга», куда входят страны Африки, Латинской Америки и «большинство стран Азии» (Müller, 2018: 1).

В данной архитектуре «Глобальному Северу», который Мюллер определяет как «эпистемологическую категорию», а не фиксированную территорию, отводится ведущая роль (Ibid.: 10). Именно «север» производит большую часть знания о себе и о других частях мира. Там, где «Север» не в состоянии контролировать производство знания, он кооптирует людей, которые становятся составной частью его интеллектуальной индустрии (Ibid.: 9). Наконец, даже в тех случаях, где знание о других частях мира становится элементом северного контекста, всегда существует риск карикатуризации, выхолащивания (Ibid.: 9), или (само)цензуры. Все эти феномены, вероятно, имеют место быть. Вопрос для нас, однако, состоит в том, как именно следует трактовать агентность «Глобального Севера». Иначе говоря, в какой мере гегемония «северного» знания над остальным миром является продуктом его внутренней организации, а в каком — следствием подлинных или воображаемых контуров, о которых пишет Мюллер?

Возьмем, например, науку и образование. Производство знания имеет к ним прямое отношение, поэтому пример будет уместным. В самом «Глобальном Севере» есть ряд стран, например Ирландия или Португалия, которые, хотя и относятся к «северу» по умолчанию, являются периферийными с точки зрения научной и образовательной индустрии. Мы нисколько не сомневаемся, что в этих странах есть талантливые исследователи, но, если верить наукометрическим показателям, вклад этих стран в науку в целом уступает Индии или России (Scimago Institutions, 2019). Более того, внутренние периферии и «места, которых нет на карте» существуют не только внутри «Глобального Севера» как такового, но и внутри отдельных «северных» стран. В США, например, большинство значимых научных исследований производится на северо-востоке и на западном побережье страны, где располагаются большинство хорошо оснащенных частных университетов и исследовательских центров (Artz, Murphy, 2000: 289). Остальные штаты, за рядом исключений, являются периферией этих высокоразвитых регионов. Схожая ситуация наблюдается во Франции, где Париж столетиями доминирует над научной и культурной жизнью страны, и в ряде других стран Западной Европы и Северной Америки (Petitjean, Jami, Moulin, 1992: 232; ESPON, 2017). Поиски объяснения этой ситуации требуют выхода за хронологические пределы холодной войны и осмысления истории довоенной эпохи, когда внешняя и внутренняя колонизация разделили мир на центры и периферии (Braudel, 1979; Wallerstein, 1979; Эткин, 2013). Нелишним будет напомнить, что сама территориализация мира, которая предпо-

лагала его *разделение*, — кристаллизовалась как глубоко имперское занятие, которое нередко использовало географические инструменты в ущерб субъектам их репрезентаций (Akerman, 2017).

Что касается «Глобального Юга», то его дефиниция в тексте Мюллера расплывчатая (Müller, 2019: 1). Определяя «юг», Мюллер фокусируется на колониальном прошлом и «маргинальности», на разделении между «богатыми и бедными», а также на исследовании тропов, которые связаны с конструкцией ментальных категорий, относящихся к «югу» (Ibid.: 5). Но не является ли подобная «стратегическая» расплывчатость упущенной возможностью?

Обратимся к примеру Китая, чье место в тексте Мюллера остается неясным. Еще в конце XX века многие исследователи относили Китай к «Глобальному Югу» (Segal, 1999: 25; Xiaobo, Zhang, 2003). Сегодня, подобная классификация кажется менее убедительной. По ряду показателей, таких как ВВП, а также инвестиции в науку и количество научных публикаций, Китай занимает ведущие позиции в мировых рейтингах (Hale, Hale, 2003; Zhou, Leydesdorff, 2006). В Азии схожая динамика может быть прослежена в Южной Корее и Сингапуре. Необходимо отметить, что в прошлом Китай, Сингапур и Южная Корея имели те же проблемы, что и страны нынешнего «Глобального Юга» (Clare et al., 1968; Lee, 1998). Более того, социоэкономическая ситуация Китая, скажем, в 1960-х годах была значительно хуже, чем во многих странах Африки и Латинской Америки в аналогичный период (Aird, 1968; Hofman, 2000: 30; Piffie, 2007). Китай, однако, постепенно превратился в страну, которая по ряду показателей является частью «Глобального Севера», в то время как некоторые страны Африки и Латинской Америки за последние 40 лет стали еще более «южными». Но если пример Китая может убедить не всех, потому что он является авторитарным государством, то Южная Корея — это образец не только успешного социоэкономического развития, но и трансформации политического режима из авторитарного в демократический (Pop-Eleches, Robertson, 2014: 8). Сингапур также является частью «востока», бывшей колонией и авторитарной страной, но отнести ее к «Глобальному Югу», используя терминологию Мюллера, сложно. Сингапур — высокоразвитое государство с высоким качеством жизни и привлекательное место для туристов, инвесторов и экспатов. Таким образом, становится очевидным, что Китай, Южная Корея и Сингапур, если следовать проекту Мюллера, не являются ни частью «Глобального Севера» (потому что не признаются таковыми другими «северными» странами), ни частью «Глобального Юга» (потому что не являются бедными и не позиционируют себя как постколониальные), ни частью воображаемого «востока» (потому что *присутствуют* в мире). По-видимому, эти страны потребуют отдельной эпистемологической категории. Те же самые размышления, с рядом оговорок, применимы и к странам Персидского залива в XXI веке. Непонятно не только, к какому «глобальному» региону их относить, но и какие базовые принципы следует использовать для той или иной классификации. Текст Мюллера оставляет все эти вопросы без внятного ответа.

Но и страны, которые можно отнести к «Глобальному Югу» с большей уверенностью, исходя из текста Мюллера, также не гомогенны. Возьмем Южную Америку. Мюллер отмечает, что Бразилия более притягательна, чем страны «востока», и что чилиец Варгас Льюса более известен в мире, чем Светлана Алексиевич (Müller, 2019: 5). Посыл понятен, но стоит ли принимать как валидное отнесение Бразилии и Чили, с их разными языками, историей и траекторией развития, к одной и той же категории «юга»? Не следует ли подвергнуть сомнению сам принцип категоризации? Цель нашей критики в данном случае состоит не только в том, чтобы вскрыть концептуальные натяжки в тексте Мюллера (Sartori, 1970). Более важным для нас является демонстрация того факта, что (вос)производство категорий как таковое, даже если оно продиктовано желанием инклюзии (т. е. благородными намерениями), может привести в лучшем случае к их дроблению и дифференциации. Вряд ли, однако, оно будет способно решить вопрос о генеалогии и практиках эксклюзии, которые лежат в основе слабого присутствия постсоциалистического «востока» на географической или эпистемологической картах. Вопрос, ранее рассматривавшийся в отношении стран «Глобального Севера» и Китая, в данном контексте не менее актуален. Попытки определить, в каком геополитическом лагере находится страна, требуют оценки, не только основанной на «глобальной циркуляции знаков» (Müller, 2019: 3), но и включающей «длинную» динамику развития тех или иных политик и их возможностей для производства этих знаков (т. е. диахронический, а не синхронный подход). Ибо «глобальная циркуляция знаков» это, по сути, фикция. Ее невозможно измерить никакими опровержимыми инструментами.

Обозначив проблематичность категорий «севера» и «юга», которые служат базовыми точками отсчета для текста Мюллера, перейдем к «востоку» как таковому. Мюллер уточняет, что для него «восток» это скорее «эпистемологический» термин (Müller, 2019: 10). Географически такой подход объединяет страны бывшего СССР и Югославии, а также страны бывшего Восточного блока, входившие в зону влияния Советского Союза. В целом подобная классификация является логичной, но она вызывает ряд сомнений с точки зрения существующих геополитических трендов. С политической точки зрения даже с момента распада СССР, Восточного блока и бывшей Югославии, страны, которые были их составной частью, оказались вовлечены в разные, по большей части центробежные, межгосударственные и социокультурные процессы.

Большая часть стран Восточного блока, а также Словения и страны Балтии стали частью Европейского союза. Это сыграло фундаментальную роль как в восприятии гражданами этих стран себя и своих национальных проектов, так и их в мире. Разумеется, геополитический сдвиг не означал *автоматических* изменений во всех остальных сферах, но он преподносился именно так большинством официальных нарративов и в ряде публичных дискурсов (Blair, 2004; Trichet, 2004; Sjursen, 2006; Cameron, 2007; Babiš, 2019). В 2018 году ВВП на душу населения в Словении был выше, чем в Португалии, и значительно опережал страны бывше-

го СССР (International Monetary Fund, 2019). В сфере образования и науки ученые из Восточной Европы активно стремятся стать частью западноевропейской и евроатлантической академии. Все большее их число успешно публикуется и входит в редколлегии англоязычных журналов.

Россия, в свою очередь, пыталась запустить на территории бывшего СССР собственные проекты, которые воспринимались как попытка реанимировать Советский Союз (Аккулы, 2010; Bulough, 2014), «новый» имперский проект (Рубцов, 2016), конгломерат взаимосвязанных геоэкономических и геополитических инициатив (Kirkham, 2016; Котляков, Шупер, 2019), инициатива о региональной безопасности (Matveeva, 2013; Kuhrt, 2014) и даже «возврат к себе самой» (Тренин, 2019). Стоит отметить, что после аннексии Крыма внешняя политика России стала восприниматься как все более угрожающая в странах бывшего СССР и Восточного блока (Ambrosio, 2017; Cohen, 2019). Внутри российской академии не существует однозначного мнения в отношении интеграции с другими странами. В то время как все большее количество российских ученых публикуется в международных изданиях и сотрудничает с иностранными университетами, часть исследователей продолжают ориентироваться на российскую систему образования и науки. Более того, в 2020 году академик РАН Валерий Тишков, например, заявил, что «основной язык российской гуманитарной науки — это русский» и что «публикация в западных научных журналах работ российских гуманитариев практически невозможна из-за геополитических противостояний и антироссийской заангажированности значительной части зарубежной научной общественности» (Тишков, 2020).

У стран Центральной Азии, в свою очередь, также существовала собственная траектория развития, по крайней мере с середины 1990-х годов. С этого момента в них начались различные интеграционные процессы, которые до настоящего времени не принесли видимых результатов в силу институциональных причин (Dadabayev, 2010; Azizov, 2017), авторитарических и непрозрачных режимов внутри региона (Stronski, 2018) и внешней конъюнктуры (Rakhimov, 2010). Как показал визит госсекретаря США в страны Центральной Азии, состоявшийся в 2020 году, регион в целом продолжает восприниматься внешними игроками инструментально: его важность определяется не собственно интересами населяющих его людей, а скорее, исходя из соображений политического «баланса», формируемых на основе внешнего знания о потребностях региона. Сами страны Центральной Азии выбрали разные траектории: в то время как Казахстан сделал ставку на евразийскую интеграцию и сближение с Россией (которая пришла на смену пантюркизму в конце 1990-х годов) и международные имиджевые проекты, Туркменистан выбрал путь нейтралитета и относительной изоляции. Таджикистан, Кыргызстан и Узбекистан в силу социоэкономических причин стали поставщиками рабочей силы для стран бывшего СССР. Их экономики функционируют во многом за счет заработка трудовых мигрантов (в случае Узбекистана к этому прибавляются доходы от туризма и экспорта газа и хлопка). Следует отметить, что Кыргызстан стал единственной страной в постсоветской Центральной Азии, где с помощью

регулярных выборов была достигнута сменяемость власти. В плане образования и науки с 1990 года в Центральной Азии также произошли большие изменения. С одной стороны, регион стал частью глобального тренда на неолиберализацию образования и академических исследований: во многих случаях образование стало платным, а государство продолжает финансировать лишь некоторые направления, которые кажутся им приоритетными. С другой стороны, образование в Центральной Азии оказалось полем вмешательства и взаимодействия, а также местом циркуляции идей, идеологий и финансовых потоков. В ряде случаев спонсорами выступали внешние акторы, в других — сами страны региона, которые пытались внедрить модернизацию по западному образцу или улучшить имидж страны (Aga Khan Development Network, 2016; Sabzalieva, 2015, 2017). Таким образом, с политико-экономической точки зрения Центральная Азия, как и весь бывший Восточный блок, в XXI веке являются пространством для реализации разнонаправленных проектов и идеологий.

С социокультурной точки зрения проект «Глобального Востока» может иметь свои подводные камни. Возьмем, например, аспект языка. Проект Мюллера обращен к академической среде, поэтому логично будет спросить: на каком языке, не в политическом, а в физическом смысле, будут говорить и читать друг друга исследователи из «Глобального Востока»? Напрашиваются две опции: английский и русский. С английским ситуация понятна: те, кто владеет им в достаточной степени, имеет шансы стать частью глобальной академии. У остальных возможностей меньше: круг конференций, на которых можно представить свои исследования, оказывается сужен. Остаются местные издания, но их охват значительно уже «международных» (читай, англоязычных). В начале статьи Елены Трубиной и ее соавторов «Часть мира вдали от мира? Постсоциалистический восток в геополитике знания» приводится пример ученого Богдана Воскрещенского из вымышленной страны Молвания, статья которого была отвергнута престижным журналом из-за «недостаточного количества ссылок на современные работы, логических нестыковок, а также стилистических погрешностей» (Trubina et al., 2020). Как мы видим, недостаточное владение английским языком сыграло в этой грустной, но столь типичной истории несуществующего ученого не последнюю роль.

Другой опцией является русский язык. С одной стороны, в России было и по-прежнему все больше авторитетных академических и научных изданий и значимых международных конференций. С другой — ряд высококвалифицированных изданий, таких как журнал «Ab Imperio», принимают публикации не только на русском языке. Кроме того, многие концепты, которые изобретаются на Западе, становятся доступными для исследователей из бывшего СССР не напрямую, а в русском переводе. В результате Россия выступает своего рода агентом западной интеллектуальной гегемонии в тех странах, где русский язык, в силу постсоветской инерции, остается языком образования и преподавания. Однако русскому, как и прочим европейским языкам, кроме английского, препятствует общая неолиберализация науки как таковой. При наличии выбора ученые предпочитают публиковаться на

английском, потому что это сулит большую цитируемость. Таким образом, русский является скорее нишевым языком для профильных публикаций и региональным языком для постсоветских исследователей. У национальных языков бывшего СССР и Восточной Европы, по всей видимости, нет даже этих перспектив просто потому, что их научные сообщества слишком малочисленны для организации адекватной инфраструктуры знания и перевода. Наше понимание ситуации в странах Центральной Азии только подкрепляет этот тезис. В этом плане пример группы индийских ученых, основавших направление *Subaltern Studies*, который приводит Мюллер, является лишь исключением, подтверждающим правило: языком обучения и преподавания и научной *lingua franca* был для них английский.

Возвращаясь к Центральной Азии, необходимо отметить, что отношение к своему прошлому и месту в мире для его обитателей является сложным и продолжает конструироваться. Многие жители Центральной Азии родились, либо прожили значительную часть жизни в Советском Союзе, и оценка советского прошлого, во многом ассоциирующемся у них с Россией, остается позитивной. Более того, как уже было сказано, заработки трудовых мигрантов составляют значительный процент их дохода. Но не поддается сомнению и другой тренд: попытки переписать исторический нарратив и, как следствие, восприятие прошлого и настоящего со смещением акцентов с советского периода на досоветскую эпоху и постсоветскую модерность. В Туркменистане Сапармурат Ниязов и Гурбангулы Бердымухамедов перестроили центр Ашхабада для того, чтобы город символизировал новую эпоху (Panier, 2010). Аналогичным образом имиджевые проекты Казахстана: строительство Астаны, проведение саммита ОБСЕ, Азиатских Игр и Экспо-2017, были призваны продемонстрировать новые устремления и потенциал Казахстана как «новой страны» (Shelekrayev, 2018, 2020). Другие государственные проекты, связанные с исторической памятью, такие как празднование 550-летия казахского ханства в 2016 году, имели целью убедить мировую общественность в «долгой» истории казахской государственности. Кыргызстан вот уже несколько лет проводит Международные Игры Кочевников — это мероприятие должно демонстрировать, что национальная идентичность кыргызов обязана не только советскому периоду, но имеет свои собственные корни и традиции. Власти Узбекистана усиленно развивают туризм: ставка при этом делается не на модернизм (Chukhovich, 2014), уникальный в своем роде, но, увы, скомпрометированный «советскостью», а на средневековые Бухару, Самарканд и Хиву, которые реконструируют ударными темпами согласно постсоветским представлениям о «средневековой» эстетике (Чухович, 2019). Кратко обрисовав наше поле взаимодействия с проектом Мюллера, перейдем ко второй части текста, где мы рассмотрим на примере постсоветской историографии Казахстана и Кыргызстана возможности включения региона в проект «Глобального Востока» и возможные препятствия на этом пути.

Тактический эссенциализм в постсоветской историографии Центральной Азии

Чтобы лучше понять, как и в какой степени страны Центральной Азии могут стать частью «Глобального Востока», обратимся сначала к вопросу о том, что конкретно делает регион частью Востока, географического или постсоциалистического. В прочтении Мюллера, центральноазиатский регион объединяют с Восточной Европой не общие экономические связи или культурные традиции, и не общий опыт социализма, а скорее чувство одновременно схожести и различия по отношению к «аморфной Европе» (Müller, 2018: 5). Не является ли такое определение излишне европоцентричным? Ибо если страны Восточной Европы остаются, по Мюллеру, «недо-Европой», то Центральная Азия не может претендовать даже на этот сомнительный статус в силу географии и предполагаемых культурных различий, отделяющих центральноазиатские «станы» — сокращенный эвфемизм, принятый в западной прессе для обозначения пяти постсоветских республик и подчеркивающий их инаковость — от стран, расположенных к западу от Центральной Азии.

Можно ли в таком случае говорить о том, что Центральная Азия входит в число стран постсоветского Востока по факту ее нахождения в бывшем Советском Союзе? Мюллер дает на это отрицательный ответ, указывая на социалистическое наследие как исчезающий объект (Müller, 2019: 539). С этим утверждением трудно не согласиться. Действительно, сами республики Центральной Азии, как мы уже упоминали, стараются уйти от советского прошлого и написать новые национальные истории, уходящие корнями в досоветский период. В то же время нам кажется, что место и участие Центральной Азии в масштабном политическом образовании «от Варшавы до Владивостока» не сводится исключительно к совместному опыту построения социализма. Именно поэтому мы предлагаем раздвинуть временные рамки, заданные Мюллером, и взглянуть на регион исторически.

Территория части современного Казахстана стала частью Российской империи уже в первой половине XVIII века. Столетие спустя к России были присоединены независимые до этого ханства Туркестана. С этого момента многие магистральные события и процессы в истории региона были обусловлены масштабными проектами по интеграции азиатских колоний в Российскую империю. Так, восстание 1916 года, которое предвосхитило распад империи и последующие классовые и этноконфессиональные конфликты, являлось во многом следствием массового переселенческого движения, призванного разрешить земельный кризис в европейских губерниях имперского государства (Brower, 2003; Chokobaeva, Drieu, Morrison, 2019; Smele, 2015; Sokol, 1954). Приток переселенцев значительно изменил демографический состав населения азиатских колоний. Численный перевес русского населения над казахским в северных областях Степного генерал-губернаторства отмечался еще царскими чиновниками. В уже советском Казахстане эта тенденция усилилась, приведя к демографическому перекошу. В 1959 году, например, когда была проведена первая за 20 лет перепись союзного населения, этнические казахи

составляли лишь 30% от общего населения республики по сравнению с более чем 52% славянского населения (Saparbekova, Kosourková, Kučera, 2014: 78). В соседней Киргизской ССР численность этнических киргизов, составлявших 40,5%, лишь немногим превышала долю «европейского населения», которое насчитывало 37,5% (Кудабаев, Гийо, Денисенко, 2004: 109–157).

Интегрированность Центральной Азии в экономические сети, связывающие метрополию с окраинами, также предшествовала централизации советской экономики. Проведение железной дороги в регион сделало его значимым поставщиком скота и мяса для европейской части России. В 1908 году, например, Центральная Азия экспортировала 400 000 голов скота и около 6000 тонн мяса в европейскую часть России (Cameron, 2018: 55). За два года войны вклад Туркестанского края в военную экономику составил более 5000 тонн мяса и 70 000 лошадей (Галузо, 1929: 80). «Одомашнивание» колонии посредством распашки земель кочевников позволило региону экспортировать и значительные объемы зерна. В начале 1930-х годов статус Казахстана как одновременно хлебородного и мясозаготавливающего региона сыграл роковую роль: неподъемные квоты по поставке зерна и мяса, усугубленные насильственным оседанием кочевого населения, привели к массовому голоду в республике (Pianciola, 2017).

Можно вспомнить и о логике изъятия и даже истребления нежелательных групп населения, которыми руководствовались как генерал-губернатор Туркестана Алексей Куропаткин, разработавший план по выселению коренного населения из тех районов Семиреченской области, «где пролилась русская кровь» во время восстания 1916 года, так и большевистские власти, депортировавшие в трудовые лагеря Казахстана представителей «наказанных народов» (Holquist, 2001). Даже национальное строительство под эгидой советской кампании по коренизации было в большой степени удовлетворением дореволюционного запроса на создание национальных автономий. Пример казахской Алаш-Орды в этом смысле достаточно типичен. Политическая программа партии сложилась под влиянием европейских идей о нации и национальном государстве и как реакция на инородческий статус кочевого населения империи, не дававшего прав на владение землей и политическое представительство (Аманжолова, 2009; Ууата, 2001).

Конечно, преемственность имперских и советских институтов и практик не универсальна, но она позволяет увидеть те самые реляционные основы проекта «Глобального Востока» и многочисленные формы взаимодействия стран Центральной Азии с другими потенциальными участниками проекта, избегая при этом «ловушки» социализма, будь она географической, политической или любой другой. В конце концов, все описанные выше процессы и события не вписываются во временные рамки социализма и, как уже было отмечено, имеют имперские корни и затрагивают — иногда напрямую, а иногда опосредованно — другие империи, национальные государства и регионы. Особенно актуальными для исследователей Центральной Азии являются работы по истории Китая, чьи приграничные провинции были связаны с русским Туркестаном экономическими, культурными

и религиозными отношениями. К примеру, в восстании 1916 года в Семиреченской области принимали участие дунгане, мусульмане — выходцы из Китая, куда после подавления восстания бежали уже подданные Российской империи. Во время Гражданской войны в Китай бежали остатки белых армий. А в тридцатые годы, от голода и коллективизации — граждане советской Центральной Азии (Абдалиева, 2016; Cameron, 2018: 122–143). С другой стороны, Советский Союз стал местом развития политического проекта уйгурских элит по созданию современной уйгурской нации (Brophy, 2016).

Иначе говоря, история Центральной Азии уже содержит в себе имплицитный потенциал написания истории региона с позиций «Глобального Востока». Но как именно следует писать эту историю? «Имперский поворот» в изучении СССР и нарастающая популярность глобальных подходов сняли географические и временные ограничения с работ по истории региона. Появление в последние несколько лет публикаций, опирающихся на транснациональный подход в изучении Центральной Азии, говорит о том, что принцип критического осмысления места Центральной Азии в мире уже служит ориентиром для нового поколения исследователей (Brophy, 2016; Levi, 2017; Tasar, 2017). Так, на примере Кокандского ханства Скотт Леви оспаривает устоявшуюся точку зрения об изоляции и экономическом и культурном упадке региона (Levi, 2017). Артемий Калиновский в своей книге о политике модернизации в постсталинистском Таджикистане находит большое сходство между модернизационными проектами США и СССР (Kalinovsky, 2018). Гульзада Абдалиева, на основе устной истории потомков беженцев из Семиреченской области в Китае, сдвигает временные рамки Гражданской войны в СССР и показывает, что для кочевников-кыргызов подавление восстания 1916 года, Гражданская война и коллективизация были чередой насильственных вмешательств со стороны империи (Абдалиева, 2016).

Как уже отмечалось ранее, для нас помимо методологических аспектов, связанных с позиционированием региона, важным вопросом к проекту «Глобального Востока» является также агентность местных исследователей. Избегая при этом принципа «add and stir», возможен ли этот проект не только в условиях существенного экономического неравенства в сфере производства знаний (Trubina et al., 2020), но и в условиях различных *режимов* производства знаний и внешнего вмешательства и давления? Далее в этой статье мы предлагаем рассмотреть на примере историографии восстания 1916 года в Кыргызстане и голода 1930-х годов в Казахстане участие исследователей из центральноазиатского региона в проекте «Глобального Востока».

Начнем с Казахстана. Несмотря на кажущуюся актуальность темы голода в Казахстане, мы видим, что последние серьезные исследования под авторством казахстанских ученых выходили в первой половине 1990-х годов, вскоре после распада СССР. В то же время количество высокопрофессиональных монографий и научных статей на тему голода на английском языке в последние несколько лет сильно возросло. Напрашивается вопрос: почему темой голода вплотную занимаются за-

падные исследователи, в то время как современные казахстанские историки предлагают ограниченный репертуар интерпретаций, в которых особая роль в возникновении голода отводится ответственному секретарю Казахстанского крайкома ЦК ВКП(б) Филиппу Голощекину, решившему «пройтись по аулу Малым Октябрем» (Аяган, 2012; Габдуллин, 2015; Сыдыков, 2014). В личной беседе с одним из авторов этой статьи Жулдызбек Абылхожин, казахстанский историк, опубликовавший в 1988 году первую статью на русском языке о голоде в советском Казахстане, указал на пристрастность большинства казахстанских историков, которые, по его мнению, «гонятся за цифрами», и на их этноцентричный взгляд, отводящий казахам роль исключительно жертв и тем самым отрицающий участие казахских активистов и политиков в коллективизации.

Не вызывает сомнения, что факторы, выделяемые Абылхожиным, свидетельствуют о дилеммах и противоречиях нацистроительства в современном Казахстане (Исмагамбетов, 2018). Можно понять нежелание властей Казахстана выносить на повестку дня тему, которая скорее всего сведется к вопросу о том, кто ответственен за голод. Это вопрос, как указывают Р. Киндлер и С. Кэмерон, способен не только сильно осложнить взаимоотношения между Россией как наследницей СССР и Казахстаном, но и нарушить хрупкий межнациональный мир в республике (Киндлер, 2017: 334; Cameron, 2018: 186–187). В такой ситуации многие казахстанские исследователи вынуждены прибегать к самоцензуре. Показательно в этом смысле заявление ректора Евразийского национального университета Ерлана Сыдыкова о том, что «голодающие (и русские, и казахи, и украинцы, и представители всех других народов и народностей) боролись за выживание: в процессе этой борьбы были и эксцессы проявления национализма. Но только совместными усилиями был одолен голод» (Сыдыков, 2012).

Но так было не всегда. В конце перестроечного периода (сопровождавшегося острым социальным и экономическим кризисом) и после распада СССР в Казахстане был опубликован ряд исследовательских работ о коллективизации и голоде. Одна из этих работ — статья под названием «Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства», вышедшая в 1992 году — интересна прежде всего выводами, сделанными авторами о причинах и природе голода (Козыбаев, Абылхожин, Алдажуманов, 1992). В этой новаторской — и фундаментальной с точки зрения проделанной исследовательской работы — статье были предвосхищены многие более поздние выводы.

Как и многонациональная группа современных исследователей голода в Казахстане, среди которых есть ученые из США, Германии, Италии и Франции, авторы «Коллективизации в Казахстане» считают голод результатом «революции сверху», или, по их определению, «революционаристского утопизма» (Там же: 3). Вместе с этим они подчеркивают *комплексную* природу голода и разбирают факторы и обстоятельства, совокупность которых привела к гуманитарной катастрофе. В частности, они указывают на идеологические установки советского руководства, которое верило в то, что «путь прогресса казахского крестьянства» лежал

исключительно через «эволюцию скотоводческого хозяйства в сельскохозяйственное или стационарное животноводческое» (Там же: 15). Такой же точки зрения придерживается и немецкий историк Роберт Киндлер в своей работе, вышедшей на немецком языке в 2014 году и переведенной на английский в 2018 году. Так, Киндлер утверждает, что советские власти планировали сделать из «отсталых» кочевников «современных» граждан советского государства (Киндлер, 2017: 7).

Авторы также обращают внимание на планы «перекачки» продуктов, производимых аулом, для финансирования грандиозных программ индустриализации страны. Немаловажным представляется и тот факт, что, согласно авторам, обязательные хлебозаготовки распространялись и на сугубо животноводческие хозяйства, которые должны были вдобавок выполнять и планы по заготовкам мяса (Козыбаев, Абылхожин, Алдажуманов, 1992: 6, 15). Двойное обложение сделало кочевые группы вдвойне уязвимыми. К схожему выводу приходит Никколо Пьянчола, который в одном из своих исследований задается вопросом, почему Киргизская ССР, представлявшая, аналогично Казахской ССР, область с преимущественно животноводческим хозяйством, испытала голод несравнимо меньшего масштаба. Ответ кроется в административном делении республик СССР на экономически специализированные районы. В то время как советский Казахстан был отнесен к группе областей, поставлявших зерно, Киргизия, благодаря своим южным районам, попала в категорию хлопководческих республик (Pianciola, 2017).

Рассматривая непосредственно методы проведения коллективизации и оседания, казахстанские авторы статьи указывают на роль силового «нажима», значению которого уделяется внимание в работах уже упомянутого Киндлера и американского историка Сары Кэмерон. Авторы «Коллективизации в Казахстане» подчеркивают чрезвычайные методы проведения коллективизации в казахском ауле, которые приняли характер «времен военного коммунизма» (Козыбаев, Абылхожин, Алдажуманов, 1992: 12). Киндлер отмечает, что сталинская система вообще характеризовалась «постоянно повторяющимися эксцессами насилия» (Киндлер, 2017: 8). Ответом на исключительное давление на кочевое общество явились крестьянские волнения и массовые перекочевки как внутри СССР, так и за его пределы. Казахстанские авторы пишут о гибели огромного количества этнических казахов во время откочевок. Кэмерон, в свою очередь, уточняет, что немало откочевников пало жертвами советских пограничных отрядов на границе с Китаем (Cameron, 2018: 122–143).

Реакция властей на голод была запоздалой. Авторы «Коллективизации в Казахстане» отмечают, что даже после публикации сталинских статей «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам» темпы коллективизации и насильственного оседания в Казахстане не замедлились (Козыбаев, Абылхожин, Алдажуманов, 1992: 17–18). Кэмерон указывает на то, что советское руководство продолжало требовать от республики выполнения норм по поставке зерна и мяса, так и не предоставив обещанную помощь (Cameron, 2018: 159). Киндлер также пишет о том, что реквизиции хлеба и скота не прекратились, «даже когда стало ясно, к ка-

кому роковому исходу ведет эта политика» (Киндлер, 2017: 17). В целом об информированности высшего руководства страны о бедственном положении в Казахстане говорят все перечисленные здесь работы. Неслучайность голода отмечают как казахстанские авторы статей, вышедших в конце 1980-х и начале 1990-х годов, так и современные западные историки. Козыбаев, Абылхожин и Алдажуманов поясняют, что причины голода «раскрываются отнюдь не через категорию „случайного“, обозначенную в традиционной историографии как „ошибки и перегибы“» (Козыбаев, Абылхожин, Алдажуманов, 1992: 31). Кэмерон же указывает на ошибочность мнения о «„просчетах“, „постыдном пренебрежении“ или об отсутствии взаимопонимания между культурами» (Cameron, 2018: 17).

Что дает нам сопоставление статьи, увидевшей свет почти три десятилетия назад, и исследований, опубликованных на нескольких европейских языках в 2010-х годах? Как минимум оно дает нам основания говорить о том, что оригинальность доводов *не является* прерогативой западных исследователей. Кроме того, нам хотелось бы обратить внимание на важность политической и общественной обстановки, в которой проводятся и публикуются новые работы. Появление исследований о голоде во время перестройки и после распада СССР стало возможным благодаря политике гласности, давшей исследователям свободу выражения и выбора тем для исследований. Не менее важным был и общественный запрос на переосмысление и деидеологизацию ключевых событий в советской истории. Перестройка также привела к открытию и рассекречиванию архивов, что, в свою очередь, сделало возможным «архивную революцию» и появление качественно новых работ как в Казахстане, так и за его пределами. О важности политической свободы говорит и невозможность проведения исследований на тему голода во время Большого скачка в соседнем Китае, несмотря на растущую материальную базу и международный престиж отдельных китайских университетов.

С тех пор общественный интерес к голоду и советскому прошлому несколько поугас. Отчасти это объясняется сдвигом в политической повестке. Задачи национального строительства в странах Центральной Азии сделали наиболее востребованными исследования о героическом досоветском прошлом и вывели на первый план фигуры и события, чья значимость часто определяется их предполагаемым вкладом в нациестроительство независимых республик региона. Осмысление советского прошлого в этом смысле до сих пор остается проблематичным. Как, например, относиться к участию активистов из числа этнических казахов в насильственном раскулачивании и оседании своих соплеменников? В условиях, когда практически единственным источником финансирования научных исследований является государство, немногие исследователи имеют смелость работать над темами, которые могут потенциально привести к расколу нации.

Еще один фактор, на который указал в интервью Абылхожин, это давление на местных исследователей не столько со стороны властей — в Кыргызстане и Казахстане государство редко вмешивается в исследовательскую деятельность напрямую — сколько со стороны коллег. «Включенность» в местное академическое

сообщество имеет свои достоинства и недостатки. С одной стороны, как показывают Алима Бисенова и Кульшат Медеуова, социальный и культурный капитал традиционных «социальных сетей» в досоветском Казахстане послужил средой, из которой вышли первые интеллектуалы советского Казахстана (Бисенова, Медеуова, 2016а: 235–241). После революции на смену этим сетям пришли новые, институционализированные центры производства знаний. Это, однако, не уменьшило значимости культурного и социального капитала для производства знаний и социальной мобильности. Постсоветский Казахстан в этом смысле сохраняет многие черты советской эпохи: мы знаем на собственном примере, насколько личные связи облегчают проведение исследований в регионе, открывая доступ к засекреченным архивным документам и давая возможность участия в различных проектах и конференциях. Но у этой вовлеченности есть и обратная сторона: для местных исследователей выбор тем и проведение качественных исследований оказывается сужен в силу негласного убеждения в желательности или, наоборот, нежелательности тех или иных сюжетов. Таким образом, конформистский запрос на «правильное» видение истории формируется не только властными структурами, но и самими академическими сообществами региона. В своей книге Кэмерон приводит пример того, как во время работы в архивах Алматы в 2007 году местные студенты-докторанты «поделились» с ней советом своих академических руководителей не касаться голода при выборе темы диссертации (Cameron, 2018: 182).

Затрагивая вопрос внутреннего давления, мы не можем не обратиться и к теме внешнего давления на исследователей, работающих в странах Центральной Азии. Если для «западных» ученых регион остается главным образом «сырьевой базой» и безмолвным объектом исследований (Кудайбергенова и др., 2019; Бисенова, Медеуова, 2016б), то для некоторых российских исследователей, за рядом исключений, история и география (в частности, топонимика) региона это еще и поле вмешательства и коррекции, обращенной в прошлое или настоящее (РСМД, 2013; Броневицкая и др., 2018)¹. Даже само название региона, используемое в России (и сформулированное имперскими военными в начале XIX века), Средняя Азия, до сих пор отличается не только от общепринятого, но и от *употребляемого* в самом регионе (Горшенина, 2019: 10–13). Такой подход является одним из прямых препятствий для проекта «Глобального Востока», чья концепция у Мюллера избегает обсуждения неудобных коннотаций. Другим препятствием оказывается уже упомянутый тактический национализм центральноазиатских историков, чьи нарративы служат опорой недавно обретенным суверенитетам (Масанов, Ерофеева, Абылхожин, 2008). Все это, разумеется, не делает проект «Глобального Востока» невозможным с точки зрения стран Центральной Азии, но сильно усложняет его реализацию, поскольку у возможных участников этого проекта, по-видимому, отсутствует не только общая идейно-политическая платформа, но и консенсус по базовым вопросам, касающимся их совместного прошлого.

1. Для критики подобного подхода см.: Горшенина, 2007; Abashin, 2015.

Многие тропы, используемые для описания Центральной Азии в современной российской историографии, берут свои корни в имперском и советском дискурсах (Лолаева, Рябов, 2009). Более того, в 2011 году авторитетный российский исследователь Центральной Азии писал, что в постсоветскую эпоху «российские историки ощутимо *утратили контроль* над производством знаний о прошлом этого региона» (Ремнев, 2011; выделено нами). Попытки российских исследователей вернуть этот контроль наталкивают на мысль о том, что производство знаний о Центральной Азии в самом регионе отнюдь не является привилегией местных исследователей. Центральная Азия, таким образом, оказывается в положении двойной колониальности. Наиболее очевидно это проявляется в работах, обесценивающих или переписывающих знания о восстании 1916 года. Как это происходит и какие формы принимает это вмешательство, мы рассмотрим на примере постсоветской историографии этого события в современном Кыргызстане.

Неоднозначность темы восстания 1916 года и изменчивость официального отношения к нему до и после распада СССР уже отмечались многими авторами (Chokobaeva, 2014; Morrison, 2016; Чокобаева, 2017). Но если в самом регионе и в Кыргызстане в частности общепринятым определением, разработанным советскими историками еще в двадцатых годах прошлого века, является «национально-освободительное движение», то оценки восстания в современной России варьируются от достаточно резкой характеристики восстания как крайнего проявления «русофобских настроений» до более примирительной «общей трагедии» (Ганин, 2008: 155; Котюкова, 2016). Интересно, что обе эти интерпретации являются «официальными» в том смысле, что они поддерживаются российским руководством. Можно привести в пример конференцию, прошедшую в 2015 году на историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова, участники которой пришли к выводу, что «Среднеазиатское восстание 1916 г. следует рассматривать как общую трагедию и общую память для всех пострадавших народов (киргизов, казахов, туркмен, русских, украинцев, татар и др.)» (Исторический факультет МГУ, 2015).

Особый интерес для нас представляет веб-сайт проекта «События в Семиречье 1916 года по документам российских архивов» (Федеральное архивное агентство, 2020). О том, что проект финансируется из государственных источников, говорит тот факт, что веб-сайт запущен Росархивом, то есть государственной структурой, и что посетителей веб-сайта встречает приветственное слово Председателя Российского исторического общества Сергея Нарышкина. Предисловие к проекту уже написано профессиональным историком Андреем Ганиным, чей вклад в изучение восстания 1916 года на момент создания проекта ограничивался одной статьей, опубликованной в 2008 году. В отличие от краткого приветственного слова, которое связывает восстание с «общевропейской трагедией Первой мировой войны», предисловие дает более детальное описание восстания и видит в нем не столько квинтэссенцию кризиса империи, сколько совокупный результат «бездействия местной администрации, расцвета коррупции», действий «туземной

феодалной знати (ханов, беков, манапов) и духовенства, преследовавших свои интересы, а также внешних дестабилизирующих сил».

Как видно из описания причин восстания, приводимых в предисловии, Ганин опирается на давние традиции имперской и послевоенной советской историографии Центральной Азии. Так, он пишет о том, что «присоединение Средней Азии к Российской империи привело к положительным изменениям в жизни коренного населения. Регион вошел в состав государства, стоявшего на более высоком уровне социально-экономического и культурного развития». Можно предположить, что, в интерпретации Ганина, коренное общество с его «традиционным укладом» и «низким уровнем образования основной массы населения» только выиграло от колонизации и массового отъема земель. Нетрудно заметить в этом утверждении и имперский взгляд, отводящий бывшим перифериям роль объекта цивилизаторской миссии.

Ориенталистские нотки содержатся и в стремлении автора возложить вину за восстание на традиционные элиты коренного населения Центральной Азии, «ханов, беков, манапов». В своем описании манапов, родовых лидеров Семиреченских кыргызов, Ганин воспроизводит риторику генерал-губернатора Туркестанского края Алексея Куропаткина, который сравнивал манапов, «главарей» восстания, с «волками», а восставших — с «массой баранов» (Рыскулов, 1991: 32). У Ганина манапы имели «неограниченную» власть и «широко пользовались своими полномочиями в целях личного обогащения». Столкновение с колониальной администрацией, «чреватое» для манапов «утратой власти», якобы толкнуло их на восстание. Во время восстания, утверждает Ганин, «манапы получали часть денег с продажи оружия, и, таким образом, боевые действия приносили им прибыль». Опустим тот факт, что ни в одном из архивных документов, представленных на веб-сайте проекта, не говорится о продаже оружия манапами, как не говорится о нем ни в одном из множества документов, изученных нами в архивах Кыргызстана и Казахстана. Более важным представляется отрицание Ганиным агентности восставших: «массы баранов» могли управляться только корыстными и коррумпированными элитами, либо же «китайцами» и «германо-турецкой агентурой», которые снабжали восставших оружием и «сыграли некоторую роль в организации восстания».

Помимо изложения официальной точки зрения на восстание 1916 года предисловие также дает нам возможность понять цель создания проекта. Это прежде всего противостояние «современным апологетам национальных идентичностей», которые «нередко пытаются использовать трагические события вековой давности в политических целях, определяя виновных и жертв». Особое неприятие и обвинения в национализме вызывают у российских исследователей попытки охарактеризовать подавление восстания как этнические чистки или даже геноцид. Их раздражение вполне понятно — массовые убийства переселенцев восставшими действительно имели место. Не стоит, однако, забывать, что действия как повстанцев, так и карательных войск и переселенческих ополчений и дружин могут оце-

ниваться как этнические чистки, в чем можно убедиться, прочитав дневник Куропаткина, размещенный на том же веб-сайте. Давление на местных исследователей, в свою очередь, выражается не только в создании в общем-то необходимой базы архивных документов, пусть и с несостоятельным предисловием, но и в прямом вмешательстве российских властей в работу центральноазиатских ученых. Так, в 2013 году российское посольство в Кыргызстане совместно с неким «Союзом соотечественников» настойчиво требовали изъять из использования в школах учебника по современной истории Кыргызстана, ввиду содержащегося в нем «излишне натуралистического» описания подавления восстания (Regnum, 2013).

В условиях подобной внутренней и внешней цензуры некоторые центральноазиатские исследователи прибегают еще к одной практике «тактического эссенциализма» — публикации своих работ на местных языках. Это позволяет избежать давления со стороны российских исследователей и дипломатов, которые, как правило, не владеют языками региона. Что немаловажно, эти публикации часто основаны на локальном материале, собранном «в поле». В 2017 году, например, вышел сборник на кыргызском «Үркүн — 100: кылымдар унуткус кыргыз: Макалалар, блогдор, маектер, эскерүүлөр» («Исходу — 100 лет: на века памятная резня: Статьи, блоги, интервью, воспоминания»).

В конечном счете обесценивание работы местных исследователей и слепое воспроизводство откровенно шовинистических тропов колониальной администрации сужают возможности для диалога и совместной разработки новых концепций и идей. Это приводит нас к последнему пункту нашего обсуждения проекта «Глобального Востока» и возможностей участия в нем для центральноазиатских исследователей. Насколько возможно объединение этих исследователей и их российских коллег в рамках «Глобального Востока» при существующих отношениях зависимости стран региона от все еще сохраняющей свое влияние метрополии? И возможно ли, в принципе, примирить национальные «эссенциализмы» стран предполагаемого «Глобального Востока»? Недавние «войны памяти» между Россией и Польшей, разгоревшиеся из-за заявлений Владимира Путина о якобы неприглядной роли Польши в развязывании Второй мировой войны, и публикация архивных документов Минобороны РФ об участии польских граждан в убийстве этнических украинцев и евреев в Варшаве (в ответ на обвинения в «коммунистическом пленении» Польши советской Россией), свидетельствуют о том, что национальные нарративы стран бывшего социалистического блока в настоящий момент малопримиримы (Газета.ру, 2020). Ибо само понятие «стратегического эссенциализма», предлагаемое для реализации проекта «Глобального Востока», предполагает «временный отказ от разногласий» ради мобилизации на основе общего «политического проекта» (Müller, 2018: 11). Однако, как мы показали на примере Центральной Азии, национальная повестка стран бывшего СССР и сохраняющиеся расхождения в интерпретации центральных событий в истории огромного пространства, связанного имперскими, а затем советскими институтами и прак-

тиками, часто исключает самую возможность отказа от разногласий именно в силу разнонаправленности политических проектов.

Заключение

Несмотря на то что формат предложений Мюллера является академическим, в нем, по сути, содержится политическая программа. Эта программа выражена в наиболее концентрированной форме в следующей фразе: «Восток лучше всего осмыслить как стратегический эссенциализм: то есть политическую практику, которая позволит мобилизовать разрозненные и маргинализованные группы *под единым знаменем* для эмансипирующего политического проекта» (Müller, 2018: 11; выделено нами). В первой части этой статьи мы проследили, как существующие центробежные тенденции во внешней и внутренней политике бывших социалистических стран не способствуют их символическому сближению. Разумеется, речь идет не обо *всех* ситуациях и не во *всех* этих странах. Существует целый ряд научных, социокультурных и политико-экономических проектов, организованных по принципу «инициативы снизу», которые объединяют (а не разъединяют) постсоциалистические общества. Объединение их «под единым знаменем», однако, кажется нам трудновыполнимой задачей, польза выполнения которой не очевидна.

Во второй части этого текста мы продемонстрировали, что написание истории и производство знания о регионе в странах Центральной Азии в настоящее время оказывается полем взаимодействия «внешних» и «внутренних» акторов, которые преследуют разные интересы и артикулируют свои интенции в зависимости от факторов, которые могут выходить за пределы научного знания или «поиска истины». Мы предложили называть этот процесс «тактическим эссенциализмом». Идеальный — и единственный имеющийся в наличии — тип проекта Мюллера предполагает свободную рефлексию о месте истории и географии каждого из потенциальных акторов проекта «Глобального Востока» в более широком контексте. В Центральной Азии эта свобода на данный момент является частичной, доступной далеко не всем, и пропущенной через идеологические и языковые фильтры.

Мы также показали на примере Казахстана и Кыргызстана, что существующие исторические нарративы постсоциалистических стран являются частью вполне конкретных политических процессов. Эти нарративы зачастую амбивалентны и вступают в противоречие друг с другом. В большинстве случаев, однако, обретение суверенитетов и возможности писать нациецентричную историю не ставятся под сомнение и воспринимаются как важная историческая веха. В этой ситуации преимущества транснационального подхода (и сопутствующая ей ревизия символической географии) не всегда находят отклик у заинтересованных акторов. Ибо размытие концептуальной рамки национального государства может стать полезным, когда задачей историка является изучение взаимодействия и взаимной конструкции различных политий, а не телеологическое стремление обосновать те или

иные события или повлиять на настоящее с помощью прошлого. Там, где «стратегическому эссенциализму» еще предстоит завоевать себе сторонников, «тактический эссенциализм» уже прочно стал частью исследовательской и *политической* практики.

В то же время предложение Мюллера о включении транснационального подхода в практику постсоциалистических исследований кажется нам полезным. Применительно к Центральной Азии транснациональный поворот в изучении региона уже наступил. Существующие исследования ставят под сомнение восприятие региона как периферийного участника глобальных процессов, которое сложилось под воздействием имперских нарративов с середины XIX века. Историография региона в данный момент пересматривается с позиций вовлеченности местных институтов, практик и сообществ в глобальные процессы. Исходя из этого, мы считаем, что предложения Мюллера выиграли бы, с одной стороны, от более точной артикуляции транснационального подхода как такового применительно к его собственному проекту, учитывая опыт российских, восточно-европейских и центрально-азиатских исследований в этом ключе. С другой стороны, концентрация на социалистическом периоде мешает автору реализовать потенциал данного подхода в полной мере.

Подлинное (а не декларативное) включение постсоветских исследователей в глобальное производство знания потребует времени, усилий и, вероятно, создания специфических условий для интеграции локальных исследователей в глобальную академию. Для Центральной Азии одним из таких условий могут быть международные мероприятия, проводимые непосредственно в регионе. Примером для будущих конференций послужат региональные конференции и воркшопы, проводимые ASEES (Ассоциация славянских, восточноевропейских и евразийских исследований) и CESS (Общество исследований Центральной Евразии). Как показывает опыт этих научных организаций, такие мероприятия привлекают большое количество местных участников. Помимо возможности представить свою работу они знакомят участников с потенциальными издателями и работодателями и способствуют публикации новых исследований. В конечном итоге у местных ученых появляется возможность выйти за рамки внутренних ограничений своих научных сообществ, не выезжая из региона.

Другим шагом к инклюзивности «снизу» могут послужить сохранение, перевод и публикация архивных документов на местных языках и — шире — пересмотр отношения к источнику как таковому. В Центральной Азии до сих пор сохраняется отношение к устной истории и религиозным документам как к источникам второго сорта — несмотря на многочисленные транскрипты устной истории, сохраненные в архивах местных академий наук, и богатый пласт рукописных документов, относящихся к религиозным институтам, в государственных архивах и частных коллекциях. Эти документы не только помогут исследователям региона понять действия различных акторов и поместить их в глобальный контекст, но и лучше осветить социокультурные аспекты жизни региона, которые долгое время

оставались маргинальными для исследователей. Так, опубликованный в 2014 году на русском языке двухтомный сборник переписки между казахскими правителями и Цинской и Российской империями, а также с Джунгарскими и Калмыцкими ханами, дает исследователям Казахской степи взглянуть на казахские ханства не только как на подданных Российской империи, но и как самостоятельных субъектов международных отношений и дипломатии (Ерофеева, 2014). Перевод и публикация манускриптов кыргызских эпических поэм дают более четкое понимание социальной истории региона в XIX веке и опыта вынужденной ссылки в Китае после подавления восстания 1916 года (Prior, 2013, 2019). Подводя итог, мы можем сказать, что призыв к новому подходу в изучении стран постсоветского пространства в рамках проекта «Глобального Востока» своевременен, но цели, которых он пытается достичь, вероятно, смогут реализоваться эффективнее, если этот подход станет суммой инициатив его участников, а не попыткой всеобщей мобилизации «под единым знаменем».

Литература

- Абдалиева Г. (2016). 1916: Улуу Уркундун тарыхый барактарына кылчалуу. URL: https://www.azattyk.org/a/kyrgyz_1916_uprising_and_exodus_by_abdalieva/27734883.html (дата доступа: 10.03.2020).
- Аккулы С. (2010). Таможенный союз — это второй Европейский союз или попытка восстановить СССР. URL: https://rus.azattyq.org/a/custom_union_kazakhstan_russia_belarus/2101963.html (дата доступа: 30.04.2020).
- Аманжолова Д. (2009). На изломе: Алаш в этнополитической истории Казахстана. А.: Таймас.
- Аяган Б. (ред.). (2012). Голод в Казахстане: трагедия народа и уроки истории: Сборник материалов Международной научной конференции. Астана: Министерство образования и науки Республики Казахстан.
- Бисенова А., Медеуова К. (2016а). О проблемах региональных исследований в/по Центральной Азии // Антропологический форум. № 28. С. 35–39.
- Бисенова А., Медеуова К. (2016б). Давление метрополий и тихий национализм академических практик // Ab Imperio. № 4. Р. 207–255.
- Броневицкая А. и др. (2018). Алма-Ата: архитектура советского модернизма, 1955–1991: Справочник-путеводитель. М.: Гараж.
- Габдуллин Б. (2015). Великое кочевье: о тех, кто строил государство Казахстан: Исторические эссе. А.: Хантәңірі.
- Галузо П. (1929). Восстание 1916 г. в Средней Азии // Красный Архив. Т. 34. С. 39–94.
- Ганин А. (2008). Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. // Русский сборник: исследования по истории России. Т. 5. М.: Модест Колеров. С. 152–214.

- Горшенина С. (2007). Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или Войдет ли постсоветская Средняя Азия в область Post-Исследований // *Ab Imperio*. № 2. P. 209–258.
- Горшенина С. (2019). Изобретение концепта Средней/Центральной Азии: между наукой и геополитикой. Вашингтон: Университет Джорджа Вашингтона.
- Демина Н. (2020). Олимпийские игры социогуманитариев (новости РАН). URL: <http://www.sib-science.info/ru/news/olimpiyskie-nauchnye-17022020/> (дата доступа: 29.04.2020).
- Ерофеева Т. (ред.). (2014). Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. А.: АБДИ Компани.
- Исмагамбетов Т. (2018). Нациестроительство в Казахстане: между казахстанским народом и нацией. URL: <https://caa-network.org/archives/13450/> (дата доступа: 29.04.2020).
- Исторический факультет МГУ (2015). Международная научно-практическая конференция «К 100-летию восстания в Туркестане 1916 г.». URL: http://www.hist.msu.ru/about/gen_news/7893/ (дата доступа: 17.03.2020).
- Киндлер Р. (2017). Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане. М.: Росспэн.
- Котляков В., Шупер В. (ред.). (2019). Россия в формирующейся большой Евразии. М.: Кодекс.
- Котюкова Т. (2016). Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сборник документов и материалов. М.: Марджани.
- Козыбаев М., Абылхожин Ж., Алдажуманов К. (1992). Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. А.: Академия наук Республики Казахстан.
- Кудабаев З., Гийо М., Денисенко М. (2004). Население Кыргызстана. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики.
- Кудайбергенова Д. и др. (2019). Когда «поле» — твой дом: о феминистской субъектности в Центральной Азии. URL: <https://www.opendemocracy.net/ru/kogda-pole-tvoi-dom-ru/> (дата доступа: 22.04.2020).
- Иванов И. С. (ред.). (2013). Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители. М.: Спецкнига.
- Лолаева С., Рябов А. (2009). Средняя Азия в русском и российском восприятии // *Неприкосновенный запас*. № 4. С. 165–174.
- Масанов Н., Ерофеева И., Абылхожин Ж. (2007). Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс.
- Моррисон А. (2016). Центральная Азия: Вспоминая и анализируя восстание 1916 года. URL: <https://russian.eurasianet.org/node/63501/> (дата доступа: 20.04.2020).
- Моррисон А. (2017). Центральная Азия: «Великий шелковый путь» и «Большая игра» — лишь мифы, далекие от реальности. URL: <https://russian.eurasianet.org/node/64596/> (дата доступа: 22.04.2020).
- Ремнев А. (2011). Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab Imperio*. № 1. С. 169–205.

- Рубцов А. (2016). Мифология величия: как в России воскрешается имперская идея. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/26/02/2016/56cfe95f9a7947ed925e57de/> (дата доступа: 19.03.2020).
- Рыскулов Т. (1991). Восстание киргизов и казахов в 1916 году. Бишкек: Учкун.
- Сыдыков Е. (ред.). (2014). Голод 1930-х годов в Украине и Казахстане: вопросы историографии и подходы к исследованию проблемы: Сборник материалов выступлений, докладов и сообщений участников Международной научно-методической конференции. Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева.
- Сыдыков Е. (2012). Тяжелая страница в судьбе народа. URL: <https://www.enu.kz/rector-blog/zapisi/12131/> (дата доступа: 30.03.2020).
- Тренин Д. (2019). Культурная карта российской геополитики: возможная стратегия Москвы в Большой Евразии. URL: <https://carnegie.ru/2019/02/11/ru-pub-78328/> (дата доступа: 29.03.2020).
- Фахрутдинов Ш. (2020). Польша следует конъюнктуре: Москва осудила пересмотр истории. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2020/01/17/12914978.shtml> (дата доступа: 28.03.2020).
- Федеральное архивное агентство (2020). События в Семиречье 1916 года по документам российских архивов. URL: <http://semirechye.rusarchives.ru/> (дата доступа: 10.03.2020).
- Чокобаева А. (2017). Красные кыргызы: советская историография восстания 1916 года // Мамедов Г., Шаталова О. (ред.). Понятия о советском в Центральной Азии. Б.: Штаб Пресс. С. 50–76.
- Чухович Б. (2019). Заповедник (к археологии музеефицирования в градостроительстве Узбекистана). URL: <https://caa-network.org/archives/14980/> (дата доступа: 01.04.2020).
- Эткинд А. (2013). Внутренняя колонизация: имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение.
- Regnum (2013). Посольство РФ и Союз соотечественников требуют запрета учебника «История Кыргызстана: XX–XXI века» (2013). URL: <https://regnum.ru/news/society/1625821.html> (дата доступа: 02.04.2020).
- Abashin S., Jenks A. (2015). Soviet Central Asia on the Periphery // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 16. № 2. P. 359–374.
- Adams L. (2008). Can We Apply a Postcolonial Theory to Central Asia? // *Central Eurasia Studies Review*. Vol. 7. № 1. P. 2–8.
- Aga Khan Development Network (2016). University of Central Asia Opens Its First Campus as Part of Broad Commitment to Fostering Social and Economic Development. URL: <https://www.akdn.org/press-release/university-central-asia-opens-its-first-campus-part-broad-commitment-fostering-social/> (дата доступа: 30.03.2020).
- Aird J. S. (1968). Estimates and Projections of the Population of Mainland China: 1953–1986. US Department of Commerce.
- Ambrosio T. (2017). Russia's Ukraine Intervention and Changes to American Perceptions of the Russian Threat: Executive Branch Testimony to the House and Senate Armed

- Services Committees, 2008–2016 // *Journal of Global Security Studies*. Vol. 2. № 2. P. 104–122.
- Akerman J. R. (2017). *Decolonizing the Map*. Chicago: University of Chicago Press.
- Artz L., Murphy B. O. (2000). *Cultural Hegemony in the United States*. L.: SAGE.
- Azizov U. (2017). Regional Integration in Central Asia: From Knowing-that to Knowing-how // *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 8. № 2. P. 123–135.
- Babiš A. (2019). Speech by Prime Minister of the Czech Republic at the General Debate of the 74th Session of the General Assembly of the UN, 25 September 2019. URL: <https://www.vlada.cz/en/clenove-vlady/premier/speeches/speech-by-prime-minister-of-the-czech-republic-at-the-general-debate-of-the-74th-session-of-the-general-assembly-of-the-un-176391/> (дата доступа: 08.03.2020).
- Blair T. (2004). The Prime Minister's Speech to the European Bank for Reconstruction and Development Annual Meeting in London. URL: <https://www.theguardian.com/world/2004/apr/19/eu.tonyblair/> (дата доступа: 28.03.2020).
- Braudel F. (1979). *Afterthoughts of Material Civilization and Capitalism*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Brophy D. (2016). *Uyghur Nation: Reform and Revolution on the Russia-China Frontier*. Cambridge: Harvard University Press.
- Brower D. (2003). *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*. L.: Routledge.
- Bulough O. (2014). Vladimir Putin: The Rebuilding of «Soviet» Russia. URL: <https://www.bbc.com/news/magazine-26769481/> (дата доступа: 22.02.2020).
- Cameron D. (2007). Post-Communist Democracy: The Impact of the European Union // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 23. № 3. P. 185–217.
- Cameron S. (2018). *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan*. Ithaca: Cornell University Press.
- Chioni-Moore D. (2001). Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // *PMLA*. Vol. 116. № 1. P. 111–128.
- Chokobaeva A. (2014). Born for Misery and Woe: National Memory and the 1916 Great Revolt in Kyrgyzstan // *Omelicheva M.* (ed.). *Nationalisms and Identity Construction in Central Asia: Dimensions, Dynamics, and Directions*. Lanham: Rowman and Littlefield. P. 37–51.
- Chokobaeva A., Drieu C., Morrison A. (eds.). (2019). *The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution*. Manchester: Manchester University Press.
- Chukhovich B. (2014). Orientalist Modes of Modernism in Architecture: Colonial/Post-colonial/Soviet // *Études de Lettres*. Vol. 296. № 2–3. P. 263–293.
- Clare K. G. et al. (1968). *Area Handbook for the Republic of Korea*. Washington: Foreign Area Studies.
- Cohen R., Radin A. (2019). *Russian's Hostile Measures in Europe: Understanding the Threat*. Santa Monica: RAND Corporation.

- Dadabayev T.* (2010). Discourses on Integration in Central Asia: From Rhetoric to Practice // *Regional Cooperation in Central Asia: Obstacles, Incentives and Proposals*. Madrid: Fundación Alternativas. P. 25–34.
- ESPON (2017). Inner Peripheries: National Territories Facing Challenges of Access to Basic Services of General Interest. URL: <https://www.espon.eu/sites/default/files/attachments/D5%20Final%20Report%20PROFECY.pdf> (дата доступа: 10.03.2020).
- Gille S.* (2016). *Paprika, Foie Gras, and Red Mud: The Politics of Materiality in the European Union*. Bloomington: Indiana University Press.
- Hale D., Hale L. H.* (2003). China Takes Off // *Foreign Affairs*. Vol. 2. № 6. P. 36–53.
- Hofman A.* (2000). *The Economic Development of Latin America in the Twentieth Century*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Holquist P.* (2001). To Count, to Extract, and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // *Suny R., Martin T.* (eds.). *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin*. Oxford: Oxford University Press. P. 111–144.
- Iliffe J.* (2007). *Africans: The History of a Continent*. Cambridge: Cambridge University Press.
- International Monetary Fund (2019). World Economic Outlook Database: October 2019. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weodata/index.aspx> (дата доступа: 25.03.2020).
- Kalinovsky A.* (2018). *Laboratory of Socialist Development: Cold War Politics and Decolonization in Soviet Tajikistan*. Ithaca: Cornell University Press.
- Kuhr N.* (2014). Russia and Asia-Pacific: From «Competing» to «Complementary» Regionalisms? // *Politics*. Vol. 34. № 2. P. 138–148.
- Lee K. Y.* (1998). *The Singapore Story: Memoirs of Lee Kuan Yew*. Vol. 1. Singapore: Times Edition.
- Levi S.* (2017). *The Rise and Fall of Khoqand, 1709–1876: Central Asia in the Global Age*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Matveeva A.* (2013). Russia's Changing Security Role in Central Asia // *European Security*. Vol. 22. № 4. P. 478–499.
- Mignolo W.* (2014). The North of the South and the West of the East: A Provocation to the Question // *IBRAAZ*. November 6. URL: <https://www.ibraaz.org/essays/108/> (дата доступа: 25.03.2020).
- Müller M.* (2018). In Search of the Global East: Thinking between North and South // *Geopolitics*. Vol. 25. № 3. P. 734–755.
- Müller M.* (2019). Goodbye Postsocialism! // *Europe-Asia Studies*. Vol. 71. № 4. P. 533–550.
- Pannier B.* (2010). Turkmenistan to Spend Billions on Construction before 20th Anniversary. URL: https://www.rferl.org/a/Turkmenistan_To_Spend_Billions_On_Construction_Before_20th_Anniversary/1940093.html (дата доступа: 20.02.2020).
- Petitjean, P., Jami C., Moulin A. M.* (eds.). (1992). *Science and Empires: Historical Studies about Scientific Development and European Expansion*. Berlin: Springer.

- Pianciola N.* (2017). Stalinist Spatial Hierarchies: Placing the Kazakhs and Kyrgyz in Soviet Economic Regionalization // *Central Asian Survey*. Vol. 36. № 1. P. 73–92.
- Prior D.* (2019). A Qirghiz Verse Narrative of Rebellion and Exile by Musa Chaghatay uulu // *Chokobaeva A., Drieu C., Morrison A.* (eds.). *The Central Asian Revolt of 1916: Rethinking the History of a Collapsing Empire in the Age of War and Revolution*. Manchester: Manchester University Press.
- Prior D.* (2013). *The Šabdan Baatır Codex: Epic and the Writing of Northern Kirghiz History*. Leiden: Brill.
- Pop-Eleches G., Robertson G.* (2014). Democracy and Regime Change in the Global South: Causes and Trends // *Leibfried S. Huber, E., Lange M., Levy J. D., Stephens J. D.* (eds.). *The Oxford Handbook of Transformations of the State*. Oxford: Oxford University Press.
- Rakhimov M.* (2010). Internal and External Dynamics of Regional Cooperation in Central Asia // *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 1. № 2. P. 95–101.
- Sabzalieva E.* (2015). Challenges in Contemporary Higher Education in Kyrgyzstan, Central Asia // *Perspectives: Policy and Practice in Higher Education*. Vol. 19. № 2. P. 49–55.
- Sabzalieva E.* (2017). The Policy Challenges of Creating a World-Class University outside the Global «Core» // *European Journal of Higher Education*. Vol. 7. № 4. P. 424–439.
- Saparbekova A., Kocourková J., Kučera T.* (2014). Sweeping Ethno-demographic Changes in Kazakhstan during the 20th Century: A Dramatic Story of Mass Migration Waves. Part 1: From the Turn of the 19th Century to the End of the Soviet Era // *AUC Geographica*. Vol. 49. № 1. P. 71–82.
- Sartori G.* (1970). Concept Misformation in Comparative Politics // *American Political Science Review*. Vol. 64. № 4. P. 1033–1053.
- SCImago Research Group (2019). SCImago Institutions Rankings. URL: <https://www.scimagoir.com/rankings.php?year=2013/> (дата доступа: 12.03.2020).
- Segal G.* (1999) Does China Matter? // *Foreign Affairs*. Vol. 78. № 5. P. 24–36.
- Shelekpayev N.* (2019). Whose Master Plan? Kisho Kurokawa and «Capital» Planning in Post-Soviet Astana, 1995–2000 // *Planning Perspectives*. Vol. 35. № 3. P. 505–523.
- Shelekpayev N.* (2018). Astana as Imperial Project: Kazakhstan and its Wandering Capital City in the 20th Century // *Ab Imperio*. № 1. P. 157–189.
- Sjursen H.* (2006). *Questioning EU Enlargement: Europe in Search of Identity*. London: Routledge.
- Smele J.* (2015). *The «Russian» Civil Wars, 1916–1926. Ten Years That Shook the World*. Oxford: Oxford University Press.
- Sokol E.* (1954). *The Revolt of 1916 in Russian Central Asia*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Stronski P.* (2018). Integration Without Liberation in Central Asia. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/12/29/integration-without-liberation-in-central-asia-pub-78160/> (дата доступа: 30.03.2020).

- Tasar E.* (2017). *Soviet and Muslim: The Institutionalization of Islam in Central Asia*. Oxford: Oxford University Press.
- Tlostanova M.* (2015). Can the post-Soviet think? // *Intersections: East European Journal of Society and Politics*. Vol. 1. № 2. P. 38–58.
- Trichet J.-C.* (2004). EU Enlargement: Challenges and Opportunities. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2004/html/spo41027.en.html> (дата доступа: 08.03.2020).
- Trubina E. et al.* (2020). A Part of the World or apart from the World? The Postsocialist Global East in the Geopolitics of Knowledge. Unpublished manuscript.
- Uyama T.* (2001). Two Attempts at Building a Qazaq State: The Revolt of 1916 and the Alash Movement // *Dudoignon S., Komatsu H.* (eds.). *Islam in Politics in Russia and Central Asia: Early Eighteenth to Late Twentieth Centuries*. L.: Kegan Paul. P. 77–98.
- Wallerstein I.* (1979). *The Capitalist World Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Zhou P., Leydesdorff L.* (2005). The Emergence of China as a Leading Nation in Science // *Research Policy*. Vol. 35. № 1. P. 83–104.

An East within “the East”? Central Asia between the “Strategic Essentialism” of Global Symbols and a “Tactical Essentialism” of National Narratives

Nari Shelekpáyev

PhD, Associate Professor, Department of History, European University at St. Petersburg
Address: Gagarinskaya str., 6/1A, Saint Petersburg, Russian Federation 191187
E-mail: nshelekpaeve@eu.spb.ru

Aminat Chokobaeva

Postdoctoral Fellow, Nazarbayev University
Address: Qabanbay Batyr Avenue, 53, Nur-Sultan, Kazakhstan 010000
E-mail: aminat.chokobaeva@nu.edu.kz

In his article “In Search of the Global East: Thinking between North and South”, Martin Müller offers a number of radical, although not new, insights on the role that post-socialist states presumably play in the modern world, as well as their perception, and the production of knowledge about themselves in these countries. This article is a response to Müller’s text and a reflection on the historiography of Central Asia, an integral part of the “Global East”. In the first part of this text, we analyze Müller’s own approach and explain why it is problematic from a historical point of view. In the second part, we focus on the production of “external” and “internal” knowledge about Central Asia and propose another paradigm labeled as “tactical essentialism”, which we believe best describes the production of historical narratives in the region at the moment. Despite the differences between the two concepts, it seems to us that “strategic” and “tactical” essentialism are

essentially manifestations of the same process, namely, the attempts to oust the Soviet past from the ethos of post-socialist researchers (or replace it with other narratives).

Keywords: "Global East", Central Asia, Soviet Union, post-Soviet space, transnationalism, nationalism(s), historiography

References

- Abashin S., Jenks A. (2015) Soviet Central Asia on the Periphery. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 16, no 2, pp. 359–374.
- Abdalieva G. (2016) 1916: Uлуу Urkundun taryhyj baraktaryna kylchajuu [1916: A Look at the Historical Pages of the Great Urkun]. Available at: https://www.azattyk.org/a/kyrgyz_1916_uprising_and_exodus_by_abdalieva/27734883.html (accessed 10 March 2020).
- Adams L. (2008) Can We Apply a Postcolonial Theory to Central Asia?. *Central Eurasia Studies Review*, vol. 7, no 1, pp. 2–8.
- Aga Khan Development Network (2016) University of Central Asia Opens Its First Campus as Part of Broad Commitment to Fostering Social and Economic Development. Available at: <https://www.akdn.org/press-release/university-central-asia-opens-its-first-campus-part-broad-commitment-fostering-social/> (accessed 30 March 2020).
- Aird J. S. (1968) *Estimates and Projections of the Population of Mainland China: 1953–1986*, US Department of Commerce.
- Ajagan B. (ed.) (2012) *Golod v Kazahstane: tragedija naroda i uroki istorii: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Hunger in Kazakhstan: The Tragedy of the People and the Lessons of History: Proceedings of the International Scientific Conference], Astana: Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.
- Akerman J. R. (2017) *Decolonizing the Map*, Chicago: University of Chicago Press.
- Akkuly S. (2010) Tamozhennyj sojuz — jeto vtoroj Evropejskij sojuz ili popytka vosstanovit' SSSR [The Customs Union is a Second European Union or an Attempt to Restore the USSR]. Available at: https://rus.azattyq.org/a/custom_union_kazakhstan_russia_belarus/2101963.html (accessed 30 April 2020).
- Amanzholova D. (2009) *Na izlome: Alash v jetnopoliticheskoj istorii Kazahstana* [At the Bend: Alash in the Ethnopolitical History of Kazakhstan], Astana: Tajmas
- Ambrosio T. (2017) Russia's Ukraine Intervention and Changes to American Perceptions of the Russian Threat: Executive Branch Testimony to the House and Senate Armed Services Committees, 2008–2016. *Journal of Global Security Studies*, vol. 2, no 2, pp. 104–122.
- Artz L., Murphy B. O. (2000) *Cultural Hegemony in the United States*, London: SAGE.
- Azizov U. (2017) Regional Integration in Central Asia: From Knowing-that to Knowing-how. *Journal of Eurasian Studies*, vol. 8, no 2, pp. 123–135.
- Babiš A. (2019) Speech by Prime Minister of the Czech Republic at the general debate of the 74th Session of the General Assembly of the UN, 25 September 2019. Available at: <https://www.vlada.cz/en/clenove-vlady/premier/speeches/speech-by-prime-minister-of-the-czech-republic-at-the-general-debate-of-the-74th-session-of-the-general-assembly-of-the-un-176391/> (accessed 8 March 2020).
- Bisenova A., Medeuova K. (2016) O problemah regional'nyh issledovanij v/po Central'noj Azii [On the Problems of Regional Studies in Central Asia]. *Anthropological Forum*, no 28, pp. 35–39.
- Bisenova A., Medeuova K. (2016) Davlenie metropolij i tihij nacionalizm akademicheskikh praktik [Metropolitan Pressures and Quiet Nationalism of Academic Practices.]. *Ab Imperio*, no 4, pp. 207–255.
- Blair T. (2004) The Prime Minister's Speech to the European Bank for Reconstruction and Development Annual Meeting in London. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2004/apr/19/eu.tonyblair/> (accessed 28 March 2020).
- Braudel F. (1979) *Afterthoughts of Material Civilization and Capitalism*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.

- Bronevitskaya A. et al. (2018) *Alma-Ata: arhitektura sovetского modernizma, 1955–1991: Spravochnik-putevoditel'* [Alma-Ata: The Architecture of Soviet Modernism, 1955–1991: Reference Guide], Moscow: Garazh.
- Brophy D. (2016) *Uyghur Nation: Reform and Revolution on the Russia-China Frontier*, Cambridge: Harvard University Press.
- Brower D. (2003) *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*, London: Routledge.
- Bulough O. (2014) Vladimir Putin: The Rebuilding of "Soviet" Russia. Available at: <https://www.bbc.com/news/magazine-26769481/> (accessed 22 February 2020).
- Cameron D. (2007) Post-Communist Democracy: The Impact of the European Union. *Post-Soviet Affairs*, vol. 23, no 3, pp. 185–217.
- Cameron S. (2018) *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan*, Ithaca: Cornell University Press.
- Chioni-Moore D. (2001) Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique. *PMLA*, vol. 116, no 1, pp. 111–128.
- Chokobaeva A. (2014) Born for Misery and Woe: National Memory and the 1916 Great Revolt in Kyrgyzstan. *Nationalisms and Identity Construction in Central Asia: Dimensions, Dynamics, and Directions* (ed. M. Omelicheva), Lanham: Rowman and Littlefield, pp. 37–51.
- Chokobaeva A. (2017) Krasnye kyrgyzy: sovet'skaja istoriografija vosstaniya 1916 goda [Red Kyrgyz: Soviet Historiography of the 1916 Uprising]. *Ponjatija o sovet'skom v Central'noj Azii* [Concepts of the Soviet in Central Asia] (eds. G. Mamedov, O. Shatalova), Bishkek: Shtab Press, pp. 50–76.
- Chokobaeva A., Drieu C., Morrison A. (eds.) (2019) *The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution*, Manchester: Manchester University Press.
- Chuhovich B. (2019) Zapovednik (k arheologii muzeeficirovanija v gradostroitel'stve Uzbekistana) [Reserve (toward the Archeology of Museumification in the Urban Planning of Uzbekistan)]. Available at: <https://caa-network.org/archives/14980/> (accessed 1 April 2020).
- Chukhovich B. (2014) Orientalist Modes of Modernism in Architecture: Colonial/Postcolonial/Soviet. *Études de Lettres*, vol. 296, no 2-3, pp. 263–293.
- Clare K. G. et al. (1968) *Area Handbook for the Republic of Korea*, Washington: Foreign Area Studies.
- Cohen R., Radin A. (2019) *Russian's Hostile Measures in Europe: Understanding the Threat*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Dadabayev T. (2010) Discourses on Integration in Central Asia: From Rhetoric to Practice. *Regional Cooperation in Central Asia: Obstacles, Incentives and Proposals*, Madrid: Fundación Alternativas, pp. 25–34.
- Demina N. (2020) Olimpijskie igry sociogumanitarijev [Olympic Games for Socio-Humanities]. Available at: <http://www.sib-science.info/ru/news/olimpijskie-nauchnye-17022020/> (accessed 29 April 2020).
- Erofeeva T. (ed.) (2014) *Jepistoljarnoe nasledie kazahskoj pravjashhej jelity 1675–1821 godov* [Epistolary Legacy of the Kazakh Ruling Elite of 1675–1821], Astana: ABDI Kompani.
- ESPON (2017) Inner Peripheries: National Territories Facing Challenges of Access to Basic Services of General Interest. Available at : <https://www.espon.eu/sites/default/files/attachments/D5%20Final%20Report%20PROFECY.pdf> (accessed 10 March 2020).
- Etkind A. (2013) *Vnutrennjaja kolonizacija: imperskij opyt Rossii* [Internal Colonization: Russia's Imperial Experience], Moscow: New Literary Observer.
- Fakhrutdinov Sh. (2020) Pol'sha sleduet konjunktury: Moskva osudila peresmotr istorii [Poland Follows the Conjuncture: Moscow Condemned the Revision of History]. Available at : <https://www.gazeta.ru/army/2020/01/17/12914978.shtml> (accessed 28 March 2020).
- Federal Archival Agency of Russia (2020) Sobytiya v Semirech'e 1916 goda po dokumentam rossijskikh arhivov [Events in Semirechye in 1916 According to Documents from Russian Archives]. Available at: <http://semirechye.rusarchives.ru> (accessed 10 March 2020).
- Gabdullin B. (2015) *Velikoe kochev'e: o teh, kto stroil gosudarstvo Kazahstan: Istoricheskie jesse* [Great Nomadism: On Those who Built the State of Kazakhstan: Historical Essays], Astana: Khanteniri, pp. 139–154.
- Galuzo P. (1929) Vosstanie 1916 g. v Srednej Azii [Uprising of 1916 in Central Asia]. *Krasny Arkhiv*, vol. 34, pp. 39–94.

- Ganin A. (2008) Poslednjaja poludennaja jekspedicija Imperatorskoj Rossii: russkaja armija na podavlenii turkestarskogo mjatezha 1916-1917 gg [The Last Midday Expedition of Imperial Russia: The Russian Army to Suppress the Turkestan Rebellion of 1916-1917]. *Russkij sbornik. Issledovanija po istorii Rossii. T. 5* [Russian Collection: Studies in the History of Russia, Vol. 5], Moscow: Modest Kolerov, pp. 152–214.
- Gille S. (2016) *Paprika, Foie Gras, and Red Mud: The Politics of Materiality in the European Union*, Bloomington: Indiana University Press.
- Gorshenina C. (2007) Izvechna li marginal'nost' russkogo kolonial'nogo Turkestana, ili Voidet li postsovetskaja Srednjaja Azija v oblast' post-issledovanij [Whether the marginality of Russian Colonial Turkestan is Eternal, or Whether Post-Soviet Central Asia will Enter the Post-Research Area]. *Ab Imperio*, no 2, pp. 209–258.
- Gorshenina S. (2019) *Izobrenenie koncepta Srednej/Central'noj Azii: mezhdru naukoj i geopolitikoj* [Invention of the Concept of Central Asia: Between Science and Geopolitics], Washington: George Washington University.
- Hale D., Hale L. H. (2003) China Takes Off. *Foreign Affairs*, vol. 2, no 6, pp. 36–53.
- Hofman A. (2000) *The Economic Development of Latin America in the Twentieth Century*, Cheltenham: Edward Elgar.
- Holquist P. (2001) To Count, to Extract, and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia. *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* (eds. R. Suny, T. Martin), Oxford: Oxford University Press, pp. 111–144.
- Iiffe J. (2007) *Africans: The History of a Continent*, Cambridge: Cambridge University Press.
- International Monetary Fund (2019) World Economic Outlook Database: October 2019. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weodata/index.aspx> (accessed 25 March 2020).
- Ismagambetov T. (2018) Naciestroitel'stvo v Kazahstane: mezhdru kazahstanskim narodom i naciej [Nation-Building in Kazakhstan: Between the Kazakh People and the Nation]. Available at: <https://caa-network.org/archives/13450/> (accessed 29 April 2020).
- Ivanov I. (ed.) (2013) *Interesy Rossii v Central'noj Azii: sodержanie, perspektivy, pgranichiteli* [Russia's Interests in Central Asia: Content, Perspectives, Constraints], Moscow: Speckniga.
- Kalinovsky, A. (2018) *Laboratory of Socialist Development: Cold War Politics and Decolonization in Soviet Tajikistan*, Ithaca: Cornell University Press.
- Kindler R. (2017) *Stalinskie kochevniki: vlast' i golod v Kazahstane* [Stalinist Nomads: Power and Hunger in Kazakhstan], Moscow: ROSSPEN.
- Kotyukova T. (2016) *Vosstanie 1916 goda v Turkestane: dokumental'nye svidetel'stva obshhej tragedii: Sbornik dokumentov i materialov* [The Uprising of 1916 in Turkestan: Documentary Common Tragedy: A Collection of Documents and Materials], Moscow: Mardzhani.
- Kotlyakov V., Shuper V. (eds.) (2019) *Rossija v formirujushhejsja bol'shoj Evrazii* [Russia in the Emerging Greater Eurasia], Moscow: Kodeks.
- Kozybaev M., Abylhozhin Zh., Aldazhumanov K. (1992) *Kollektivizacija v Kazahstane: tragedija krest'janstva* [Collectivization in Kazakhstan: The Tragedy of the Peasantry], Astana: National Academy of Science Republic of Kazakhstan.
- Kudabaev Z., Gijo M., Denisenko M. (2004) *Naselenie Kyrgyzstana* [Population of Kyrgyzstan], Bishkek: National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic.
- Kudajbergenova D. et al. (2019) Kogda "pole" — tvoj dom: o feministskoj sub'ektnosti v Central'noj Azii [When the "Field" is Your Home: About Feminist Subjectivity in Central Asia.]. Available at: <https://www.opendemocracy.net/ru/kogda-pole-tvoi-dom-ru/> (accessed 22 April 2020).
- Kuhr N. (2014) Russia and Asia-Pacific: From "Competing" to "Complementary" Regionalisms?. *Politics*, vol. 34, no 2, pp. 138–148.
- Lee K. Y. (1998) *The Singapore Story: Memoirs of Lee Kuan Yew, Vol. 1*, Singapore: Times Edition.
- Levi S. (2017) *The Rise and Fall of Khoqand, 1709–1876: Central Asia in the Global Age*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Lolaeva S., Rjabov A. (2009) Srednjaja Azija v russkom i rossijskom vosprijatii [Central Asia in Russian and Russian Perception]. *Neprikosnovenny Zapas*, no 4, pp. 165–174.

- Masanov N., Erofeeva I., Abylhozhin Zh. (2007) *Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo s sovremennoj istoriografii Kazahstana* [Scientific Knowledge and Myth-Making from Modern Historiography of Kazakhstan], Almaty: Dajk-Press.
- Matveeva A. (2013) Russia's Changing Security Role in Central Asia. *European Security*, vol. 22, no 4, pp. 478–499.
- Mignolo W. (2014) The North of the South and the West of the East: A Provocation to the Question. *IBRAAZ*, November 6. Available at: <https://www.ibraaz.org/essays/108/> (accessed 25 March 2020).
- Morrison A. (2016) Central'naja Azija: Vspominaja i analiziruja vosstanie 1916 goda [Central Asia: Remembering and Analyzing the 1916 Uprising]. Available at: <https://russian.eurasianet.org/node/63501/> (accessed 20 April 2020).
- Morrison A. (2017) Central'naja Azija: "Velikii shelkovyi put'" i "Bol'shaja igra" — lish' mify, dalekie ot real'nosti [Central Asia: "The Great Silk Road" and "The Great Game" are Just Myths, Far from Reality]. Available at: <https://russian.eurasianet.org/node/64596/> (accessed: 22 April 2020).
- MSU Faculty of History (2015) Novosti istoricheskogo fakul'teta MGU [News from the Faculty of History of Moscow State University]. Available at: http://www.hist.msu.ru/about/gen_news/7893/ (accessed 17 March 2020).
- Müller M. (2018) In Search of the Global East: Thinking between North and South. *Geopolitics*, vol. 25, no 3, pp. 734–755.
- Müller M. (2019) Goodbye, Postsocialism!. *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no 4, pp. 533–550.
- Pannier B. (2010) Turkmenistan to Spend Billions on Construction before 20th Anniversary. Available at: https://www.rferl.org/a/Turkmenistan_To_Spend_Billions_On_Construction_Before_20th_Anniversary/1940093.html (accessed 20 February 2020).
- Petitjean, P., Jami C., Moulin A. M. (eds.) (1992) *Science and Empires: Historical Studies about Scientific Development and European Expansion*, Berlin: Springer.
- Pianciola N. (2017) Stalinist Spatial Hierarchies: Placing the Kazakhs and Kyrgyz in Soviet Economic Regionalization. *Central Asian Survey*, vol. 36, no 1, pp. 73–92.
- Pop-Eleches G., Robertson G. (2014) Democracy and Regime Change in the Global South: Causes and Trends. *The Oxford Handbook of Transformations of the State* (eds. S. Leibfried, E. Huber, M. Lange, J. D. Levy, J. D. Stephens), Oxford: Oxford University Press.
- Regnum (2013) Posol'stvo RF i Sojuz sootechestvennikov trebujut zapreta uchebnika "Istorija Kyrgyzstana: XX–XXI veka" [The Russian Embassy and the Union of Compatriots Demand a Ban on the Textbook "History of Kyrgyzstan: 20th — 21st Centuries"]. Available at: <https://regnum.ru/news/society/1625821.html> (accessed 2 April 2020).
- Prior D. (2013) *The Sabdan Baatir Codex: Epic and the Writing of Northern Kirghiz History*, Leiden: Brill.
- Prior D. (2019) A Qırghız Verse Narrative of Rebellion and Exile by Musa Chaghatay uulu. *The Central Asian Revolt of 1916: Rethinking the History of a Collapsing Empire in the Age of War and Revolution* (eds. A. Chokobaeva, C. Drieu, A. Morrison), Manchester: Manchester University Press.
- Rakhimov M. (2010) Internal and External Dynamics of Regional Cooperation in Central Asia. *Journal of Eurasian Studies*, vol. 1, no 2, pp. 95–101.
- Remnev A. (2011) Kolonial'nost', Postkolonial'nost' i "Istoricheskaja Politika" v Sovremennom Kazahstane [Coloniality, Postcoloniality and "Historical Politics" in Modern Kazakhstan]. *Ab Imperio*, no 1, pp. 169–205.
- Rubcov A. (2016) Mifologija velichija: kak v Rossii voskreshaetsja imperskaja ideja. [The Mythology of Greatness: How the Imperial Idea is Being Resurrected in Russia]. Available at: <https://www.rbc.ru/opinions/society/26/02/2016/56cfe95f9a7947ed925e57de/> (accessed 19 March 2020).
- Ryskulov T. (1991) *Vosstanie kirgizov i kazahov v 1916 godu* [The Uprising of the Kyrgyz and Kazakhs in 1916], Bishkek: Uchkun.
- Sabzalieva E. (2015) Challenges in Contemporary Higher Education in Kyrgyzstan, Central Asia. *Perspectives: Policy and Practice in Higher Education*, vol. 19, no 2, pp. 49–55.
- Sabzalieva E. (2017) The Policy Challenges of Creating a World-Class University outside the Global "Core". *European Journal of Higher Education*, vol. 7, no 4, pp. 424–439.
- Saparbekova A., Kocourková J., Kučera T. (2014) Sweeping Ethno-demographic Changes in Kazakhstan during the 20th Century: A Dramatic Story of Mass Migration Waves, Part 1: From the Turn of the 19th Century to the End of the Soviet Era. *AUC Geographica*, vol. 49, no 1, pp. 71–82.

- Sartori G. (1970) Concept Misformation in Comparative Politics. *American Political Science Review*, vol. 64, no 4, pp. 1033–1053.
- SCImago Research Group (2019) SCImago Institutions Rankings. Available at: <https://www.scimagoir.com/rankings.php?year=2013/> (accessed 12 March 2020).
- Segal G. (1999) Does China Matter?. *Foreign Affairs*, vol. 78, no 5, pp. 24–36.
- Shelepkayev N. (2018) Astana as Imperial Project: Kazakhstan and its Wandering Capital City in the 20th Century. *Ab Imperio*, no 1, pp. 157–189.
- Shelepkayev N. (2019) Whose Master Plan? Kisho Kurokawa and “Capital” Planning in Post-Soviet Astana, 1995–2000. *Planning Perspectives*, vol. 35, no 3, pp. 505–523.
- Sjursen H. (2006) *Questioning EU Enlargement: Europe in Search of Identity*, London: Routledge.
- Smele J. (2015) *The “Russian” Civil Wars, 1916–1926: Ten Years That Shook the World*, Oxford: Oxford University Press.
- Sokol E. (1954) *The Revolt of 1916 in Russian Central Asia*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Stronski P. (2018) Integration Without Liberation in Central Asia. Available at: <https://carnegieendowment.org/2018/12/29/integration-without-liberation-in-central-asia-pub-78160/> (accessed 30 March 2020).
- Sydykov E. (2012) Tjzhelaja stranica v sud'be naroda [A Difficult Page in the Fate of the People]. Available at: <https://www.enu.kz/rector-blogy/zapisi/12131/> (accessed 30 March 2020).
- Sydykov E. (ed.) (2014) *Golod 1930-h godov v Ukraine i Kazahstane: voprosy istoriografii i podhody k issledovaniju problem: Sbornik materialov vystuplenij, dokladov i soobshhenij uchastnikov Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii* [Hunger of the 1930s in Ukraine and Kazakhstan: Issues of Historiography and Approaches to the Study of the Problem: Speeches, Reports and Messages of the Participants of the International Scientific and Methodological Conference], Astana: L. N. Gumilyov Eurasian National University.
- Tasar E. (2017) *Soviet and Muslim: The Institutionalization of Islam in Central Asia*, Oxford: Oxford University Press.
- Tlostanova M. (2015) Can the Post-Soviet Think?. *Intersections: East European Journal of Society and Politics*, vol. 1, no 2, pp. 38–58.
- Trenin D. (2019) Kul'turnaja karta rossijskoj geopolitiki: vozmozhnaja strategija Moskvy v Bol'shoj Evrazii [Cultural Map of Russian Geopolitics: Moscow's Possible Strategy in Greater Eurasia]. Available at: <https://carnegie.ru/2019/02/11/ru-pub-78328/> (accessed 29 March 2020).
- Trichet J.-C. (2004) EU Enlargement: Challenges and Opportunities. Available at: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2004/html/spo41027.en.html> (accessed 8 March 2020).
- Trubina E. et al. (2020) A Part of the World or Apart from the World? The Postsocialist Global East in the Geopolitics of Knowledge (Unpublished manuscript).
- Uyama T. (2001) Two Attempts at Building a Qazaq State: The Revolt of 1916 and the Alash Movement. *Islam in Politics in Russia and Central Asia: Early Eighteenth to Late Twentieth Centuries* (eds. S. Dudoignon, H. Komatsu), London: Kegan Paul, pp. 77–98.
- Wallerstein I. (1979) *The Capitalist World Economy*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Zhou P., Leydesdorff A. (2005) The Emergence of China as a Leading Nation in Science. *Research Policy*, vol. 35, no 1, pp. 83–104.